

Юлия Матысяк

Лодзинский университет
Филологический факультет
Институт русистики
ул. Поморска, 171/173
91-404 Лодзь
e-mail: yuliya@o2.pl

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СКАЗА ПАВЛА БАЖОВА МАЛАХИТОВАЯ ШКАТУЛКА НА ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

LANGUAGE FEATURES OF THE TRANSLATION OF PAVEL BAZHOV'S SKAZ *THE MALACHITE CASKET TO POLISH LANGUAGE*

Предметом исследования является проблематика перевода сказа Павла Бажова Малахитовая шкатулка на польский язык. Мы рассмотрим самые важные аспекты перевода. Проследим, насколько удалось переводчику Чеславу Ястжембцу-Козловскому вызвать ассоциации такие же или очень близкие к оригиналу. Поскольку эквивалентность является одним из основных понятий теории перевода, целесообразным оказалось рассмотреть, какой именно подход к переводу избрал Ястжембец-Козловски.

Ключевые слова: перевод, ассоциации, Бажов, Ястжембец-Козловски, сказ.

The aim of this work is the issue of the translations of Pavel Bazhov's skaz *The Malachite Casket* to Polish Language. Only the most important aspects are considered. It is necessary to thoroughly investigate, whether the translator Czesław Jastrzębiec-Kozłowski managed to evoke the same or similar associations as the author. As the adequacy is one of the main aspects of the translation studies, it is appropriate to find and describe the exact translation method chosen by the translator. In the conclusion, the summary of the research is made.

Keywords: translation, associations, Bazhov, Yastrebec-Kozłowski, the tale.

Предметом настоящего исследования является сказ Павла Петровича Бажова под названием *Малахитовая шкатулка*, а точнее, проблематика его перевода на польский язык поэтом и переводчиком Чеславом Ястжембцем-Козловским.

Выбор темы продиктован не только личной заинтересованностью автора проблематикой. Настоящее исследование должно создать своего

рода базис, на основании которого в будущем планируется реализовать проект под названием *Следами уральского фольклора*. Проект предполагает ознакомление молодого поколения (в том числе детей младшего школьного возраста – прим. автора), на основании перевода сказов Бажова, с географией, историей, культурой и обычаями Урала, с его красотой и богатством, в особенности, ознакомление с рабочим фольклором. Следует отметить, что о переводе детской литературы писала Эдита Манастерска-Вёнецек. В эпоху сложных польско-русских отношений стоит помнить об общих славянских корнях, следы которых можем найти как в польском, так и в русском народном творчестве.

Итак, переходя к теме нашей статьи, заметим, что во всем творчестве Бажова представлены: национальная, русская ментальность, общекультурные, познавательные и нравственно-философские ее аспекты. Отметим также, что автор сказов создает свой так называемый «уральский текст», о чем в свое время писала Елена Харитонова (Харитонова 2004: on-line), используя при этом рассуждения Людмилы Скорино (Скорино 1947: 241–242):

Еще при жизни П.П. Бажова была предпринята, в сущности, первая попытка комплексного изучения его творчества. Л.И. Скорино в монографии 1947 года характеризует сказы П.П. Бажова как феномен реалистического (точнее, соцреалистического) искусства, рассматривая их, однако, как продолжение традиций литературной сказки. Автор литературно-критического очерка анализирует тематику и проблематику сказов, выявляя прежде всего социально-исторический и нравственно-философский аспекты. Рассматривая систему персонажей, Л.И. Скорино обнаруживает в творчестве П.П. Бажова концепцию русского народного характера, главными чертами которого являются ясный ум, изобретательность, сметливость, непобедимый оптимизм (Харитонова 2004: on-line).

Книга *Малахитовая шкатулка* была опубликована в 1938 г. Сборник Бажова включает 13 сказов: *Медной горы хозяйка*, *Малахитовая шкатулка*, *Каменный цветок*, *Горный мастер*, *Хрупкая веточка*, *Железковы покрывки*, *Две ящерицы*, *Приказчиковы подошвы*, *Сочневы камешки*, *Травяная западенка*, *Тяюткино зеркальце*, *Синюшкин колодец*, *Огневушка-поскакушка*. Книга неоднократно переиздавалась, а за второе издание, вышедшее в московском издательстве «Советский писатель» в 1942 г., автору была присуждена Сталинская премия.

Так как *Малахитовая шкатулка* издавалась и за рубежом – была выпущена в Англии (1944), Норвегии (1946), Франции (1947), Чехословакии (1946), Китае (1946) стоит отметить, что у самого Бажова имелось следующее мнение о переводе собственных сказов:

Ведь и для автора, и для сказов, которые, как вам известно, партийно направлены, далеко не безразлично, кто будет издавать... Когда переводят свои, там может быть порой и смешное в подыскании адекватных выражений, но есть и полная уверенность, что извращений основной мысли не будет, а ведь в частном издательстве могут и вверх ногами поставить, а то выделить одну мишуру (Бажов 1952: т. 1, 317).

Из-за ограничения объема статьи наши рассуждения представляют собой довольно беглый обзор и касаются лишь одного рассказа, а именно *Малахитовой шкатулки*, но несмотря на это мы постараемся сосредоточиться на самых важных аспектах перевода.

Согласно известному определению Ольгерда Войтасевича (Войтасевич 1957: 11–28)

Операция перевода текста *a*, сформированного на языке *A*, на язык *B* состоит в формировании текста *b* на языке *B* таким образом, чтобы текст *b* вызвал у читателей ассоциации – такие же или сходные с теми, которые вызывал у читателей текст *a* [перевод мой Ю.М.].

Поэтому в дальнейшем мы попытаемся проследить, насколько удалось достигнуть этого эффекта переводчику Ястжембцу-Козловскому.

Поскольку эквивалентность является одним из основных понятий теории перевода, мы считаем целесообразным рассмотреть, какой именно подход к переводу выбрал данный автор. Мы учитываем при этом концепцию Юджина Найды, согласно которой существуют два вида эквивалентности перевода: формальная и динамическая (Найда 1978: 114–137).

Выбор того или иного вида зависит от: функции, которую выполняет данное сообщение, намерений автора и переводчика, а также от предусматриваемого адресата. Мы позволим себе напомнить известнейшие различия между упомянутыми эквивалентностями. Итак:

[...] при соблюдении формальной эквивалентности, внимание концентрируется на самом сообщении, как на его форме, так и на содержании. При таком переводе необходимо переводить поэзию поэзией, предложение – предложением, понятие – понятием (там же: 118).

Иными словами, формальный тип эквивалентности ориентирован на дословный перевод. В свою очередь про переводы, выполненные в рамках динамической эквивалентности Найда пишет:

В таких переводах внимание направлено не столько на исходное сообщение, сколько на реакцию получателя [...] перевод Д-Э, (динамической эквивалентно-

сти – прим. наше) направлен прежде всего на то, чтобы вызвать эквивалентную реакцию, а не дать эквивалентную форму (там же: 128–129).

Из вышеприведенного вытекает, что в случае динамической эквивалентности наблюдается не только сходство текстов, но также сходство реакции читателей на оба текста.

Как уже было сказано, выбор вида эквивалентности зависит от функции, которую выполняет данное сообщение, а также от намерений автора, переводчика и адресата.

Адресатами сказов Бажова (при этом следует отметить, что не всех сказов, поскольку в некоторых из них применяется богатый язык, непривычные слова и трудные для понимания реалии) являются дети как дошкольного, так и младшего школьного возраста. Но для старших детей в возрасте 10–14 лет книга также оказывается поучительной и интересной.

Здесь стоит посвятить пару слов предыстории *Малахитовой шкатулки*, которая началась в 1934 г., когда Максим Горький на первом съезде писателей (1934) говорил, что «наступила эпоха раскрепощения, свободы народа и нужно ожидать новых народных художественных открытий, нужно обязательно поддерживать певцов, акынов, ашугов, помогать им» (см. Блажес 2003: 6) и взывал к собиранию народного фольклора и его популяризации.

И действительно, в тридцатые годы прошедшего столетия стали появляться фольклорные сборники. Среди них особое место занимает, изданный в 1936 г. сборник под названием *Дореволюционный фольклор на Урале*, так как именно эта книга стала судьбоносной в творчестве Бажова.

Работа над сборником, который впоследствии стал классикой, длилась два года. В какой-то момент Елизавета Блинова, редактор сборника, пришла к выводу, что в книге слабо отражен рабочий фольклор, и Бажов предложил дополнить сборник сказами, которые слышал от уральского сказителя Василия Хмелинина в конце XIX в. Позже он написал в воспоминаниях: «Меня это просто задело: как так рабочего фольклора нет? Я сам сколько угодно этого рабочего фольклора слышал, слышал целые сказы. И я в виде образца принес им *Дорогое имячко*» (см. там же: 8).

Работа над упоминаемой книгой склонила Бажова к созданию сказов. Таким образом возник уральский сборник *Малахитовая шкатулка*. В составляющих его сказах указана тесная связь рабочих с природой. Человеческая сила противопоставляется здесь силе природы, применен богатый язык. Сказам не чужды фольклорные элементы, в жизни рабочих людей происходят чудеса, в них также присутствует элемент истории. Поэтому книга носит познавательный, общекультурный и воспитательный характер. На вопрос Скорина, откуда черпал свои идеи, Бажов отвечал:

[...] идея прежде всего [...] образ у меня не возникает из пустоты, из нета, от письменного стола, а берется, подыскивается, подбирается из фольклора. И в этом, если хотите, и сила образа. Это вам не метафора, не изящество влияний, а корень. Поверьте, самая блестящая выдумка – пустяк по сравнению с тем безымянным творчеством, которое называется народным.

[...]. Как складывается сказочная деталь, это объяснить не умею [...] образ не выдумывается, а берется готовым с деталями [...] (Бажов 1952: т. 3, 305).

Как уже отмечалось, для писателя характерен был богатый язык и слово имело для него огромное значение. В письме к Скорино в сентябре 1945 г. он писал:

На вопрос о значении слова именно в сказе не знаю, как ответить. Думается, что вся забота здесь сводится к тому, чтобы не выйти за пределы лексического запаса, которым пользуются люди, от лица которых ведется сказ. Сказы ложатся на бумагу, конечно, по-разному [...] Главная трудность найти подходящее слово. Все-таки ведь обычно говоришь и пишешь на привычном литературном языке, и переключение на народную речь прошлого нелегко [...]. Вторая трудность – подыскивание выразительного слова, которое, даже будучи совершенно новым для читателя, не заставляло бы его лезть в словарь, а укладывалось в сознании, как привычное и вполне понятное (там же: 307).

Итак, целесообразным будет проследить, насколько это слово и образ в переводе соответствуют оригиналу. В данном месте стоит также посвятить пару слов сказу. Итак, согласно *Словарю литературоведческих терминов*, сказ это:

[...] тип повествования, основанный на стилизации речи того героя, который выступает в роли рассказчика. Повествование в С. ведется от лица героя (персонажа), в присущей именно ему речевой манере, и имитирует живую разговорную речь со всеми характерными для устной формы речи особенностями (Белокурова: on-line).

Сказ передается с помощью разного вида диалектных слов (например, *оканье*), просторечной и экспрессивно-эмоциональной лексики, фразеологии, пословиц и поговорок, постоянных эпитетов, слов с уменьшительно-ласкательными (оценочными) суффиксами, топонимов. Следует учесть, что чем ближе сказ к фольклору и повседневной жизни, тем ярче выражены в нем национальная культура и колорит уральского народа.

Наш анализ начнем с уральского говора, который, к сожалению, уже сегодня не встретим. Ниже приводятся слова и выражения из подлинника и их польские переводные соответствия:

	Бажов	Ястжембец-Козловски
1	Как закованный палец-то, в конце нали (даже – ред.) посинеет.	Robi się jak ołowiany, w końcu nawet zsinieje.
2	Степан умер да камешки у него в мертвой руке оказались, Настье и причтелось (пришлось – ред.) ту шкатулаку чужим людям показать.	Gdy się Stiepanowi zmarło, a w jego martwej ręce znaleziono kamyczki, Nastasji strzeliło coś do głowy , żeby obcym ludziom pokazać szkatułkę.
3	Настасья баба работящая, робятишки пословные (послушные – ред.), не охтимнеченьки живут (не тяжело – ред.).	Z Nastasji baba pracowita, dzieciaki poslušne – nie najgorzej sobie żyją.
4	Только барам да купцам впору покупать. С нашим-то ремьем (лохмотьями – ред.) не наденешь эго место.	Tylko wielkie państwo i kupców stać na coś takiego. W naszym stanie któż by takie rzeczy wkładał?
5	Отец-то ведь с малых лет в земле скыркался (скребся в земле – ред.).	Przecie jej ojciec od dziecka w ziemi się gmerał .
6	А люди деньги бы дали. Разоставок (подспорье – ред.) тебе.	A ludzie daliby pieniądze. Miałabyś na otarcie łez .
7	[...] из кистей выпала – красивая девочка сравнивается с гарусинкой, выпавшей из кистей пояса, который носили раньше на Урале и мужчины и женщины – прим. П. Бажова.	–

Приведенные фрагменты подтверждают слова русского автора: с одной стороны, диалектная лексика совершенно новая для читателя оригинала, но с другой, благодаря объяснениям в скобках, которые являются примечаниями редактора, она оказывается вполне понятная и привычная. Поскольку данные диалектные выражения не всегда имеют соответствующий эквивалент на польском языке, автор перевода заменил диалектные выражения фразеологическими единицами, например: *разоставок тебе (диалект)* – *na otarcie łez* (фразеологическая единица); *причтелось (диалект)* – *strzeliło coś do głowy* (фразеологическая единица). Ястжембец-Козловский старается перевести текст как можно ближе к оригиналу, пытается найти такой эквивалент, который передаст полноту и естественность языка, а также его колорит, но, как уже ранее было отмечено, ввиду специфического уральского диалекта,

не всегда предоставляется такая возможность, поэтому в некоторых случаях богатство языка не всегда можно отразить в переводе, например: *с нашим-то ремьем – w naszym stanie*, *не охтимнеченьки живут – nie najgorzej sobie żyją*, но переводчик компенсирует дефицит эквивалента инверсией, например, вместо *sobie żyją nie najgorzej*, переводчик пишет *nie najgorzej sobie żyją* или архаизмом и просторечными словами: *в конце нами (диалект) посинеет – w końcu nawet zsinieje* (архаизм, просторечие).

Заметим, что отличительной чертой уральского говора является «оканье», на что хорошо указывают следующие примеры:

1. Настасья баба работящая, **робятишки** пословные, не охтимнеченьки живут.
2. По Степану **шибко** девчоночка убивалась.
3. Тогда ее **обратать** можно.
4. Только все как сговорились: **оглядят** шкатулку, полюбуются, а на камни не смотрят и от работы наотрез отказываются.
5. Приветить ее не успела, а она на-ко – обутки сняла и **котомку** развязала.

Данные высказывания Ястжембец-Козловски переводит следующим образом:

1. Z Nastasji baba pracowita, **dzieciaki** poslušne – nie najgorzej sobie żyją.
2. Po śmierci Stiepana dziewczątka **strasznie się** zamartwiało.
3. Wtedy można będzie **mieć** z niej **korzyść**.
4. Ale oni jakby wszyscy się zmówili: **ogładają** szkatułkę, zachwycają się, a na kamienie nie patrzą i wręcz odmawiają.
5. Nie zdążyliśmy jej przywitać, a ona już kapce zzuwa i **sakwę** rozwiązała.

Как показывают приводимые нами цитаты, часть польских эквивалентов совпадает в произношении с русскими словами, но не всегда можно найти соответствующий эквивалент на польском языке, поэтому Ястжембец-Козловский, несмотря на указанные различия на лексико-фонетическом уровне, а именно: замена диалектных слов фразеологическими единицами, компенсация эквивалента инверсией, просторечием, пытается сохранить (в некоторых фрагментах путем компенсации, о которой мы вспомнили ранее) структуру сказа и вызвать соответствующую реакцию у читателя. Однако, созвучие не заменит оканья, и, если рассуждать о сохранении авторского стиля, стоит обратить внимание на компенсирование диалектных элементов просторечными лексемами, словесными оборотами и синтаксисом, такими как: *оглядят – ogładają* (созвучие), *робятишки – dzieciaki* (просторечие), *баба – baba* (созвучие), *девчоночка – dziewczątka* (созвучие), *обутки сняла – kapce zzuwa* (просторечие), *котомка – sakwa* (просторечие), *убивалась – strasznie się zamartwiało* (словесный оборот).

Особое внимание следует обратить на диалектизмы синтаксического вида (Аристова, Протопопова 2017: 5–15), поскольку вместо привычного предлога «на», который указывает на место или пространство Бажов использовал предлог «в», который подчеркивает уральский диалект и придает тексту колорит: *Вот-де какая у нас в заводе девка была. Ястжембец-Козловски слово завод переводит как osada, поскольку польская фабрика (fabryka) не ассоциируются с местностью: Jaką to też dziewczuchę mieliśmy tu w osadzie.*

Вообще, синтаксис играет важную роль в сказах Бажова и является не только отражением стиля писателя, но также и живого русского языка. В связи с чем обратим внимание на синтаксические особенности и попробуем определить, насколько синтаксис оригинала отразился в переводе.

Как известно, синтаксическая связь выражается с помощью синтаксических отношений: предикативных и полупредикативных, которые являются одной из особенностей бажовских сказов, что подтверждают следующие примеры оригинала:

1. Подошла поближе и **давай пальцем** в камешки **тыкать**.
2. Как домой в Сам- Петербурх- то приехал, **давай** по всему городу **славить** про камни и про свою невесту.
3. Цепь притащили, **давай промер делать**, не зарезалась ли Настасья в чужую усадьбу, выходят ли вершки меж столбами.

В переводе данные примеры представлены следующим образом:

1. Podeszła bliżej i palcem **dotyka** kamyków.
2. Kiedy przyjechał do siebie, do Petersburga, **dalejże trąbić** po całym mieście o kamieniach narzeczonej.
3. Wzięli ze sobą łańcuch i **dalejże czynić pomiary**, czy Nastasja nie wjechała do cudzej zagrody, czy między słupami jest tyle a tyle werszków.

Инфинитивы в вышеуказанных предложениях в сочетании со словом *давай* придают более эмоциональную окраску как оригиналу, так и переводу.

Следует вспомнить об еще одной особенности, характерной для сказа Бажова, а именно о сложных предложениях, в состав которых входят несколько простых, равных по смыслу и независимых друг от друга. Лидия Слобожанинова называет Бажова «краткослов», что находит свое подтверждение в тексте:

1. Народ согнали, молебен отслужили, и потом в господском доме тонцы-звонцы.
2. На другой день народ на работу, а в господском дому опять пировя.
3. Привезла деньги, передала из ручки в ручку, подхватила шкатулку и айда домой.

а также отражение в переводе Ястжембца-Козловского:

1. Spędzili ludzi, odprawili nabożeństwo, potem w pańskim dworze zaczęły się tańce-łamańce.
2. Nazajutrz ludzie do roboty, a we dworze znowu bal.
3. Przywiozła pieniądze, dała z rączki do rączki, schwyciła szkatułkę i wychodzi.

Как известно, в тексте можно наблюдать и описательные, и повествовательные отрывки, а также внутренние монологи. Валерий Мишланов в статье *О некоторых особенностях синтаксиса сказов Павла Бажова* пишет:

[...] яркой особенностью грамматики бажовских сказов является то, что синтаксическая организация любых монологических фрагментов базируется главным образом на предикативных и полупредикативных связях. Такой синтаксис может быть определен как изобразительный [...] (Мишланов 2003: 72).

Для подтверждения выше указанного приведем примеры и их польский перевод. Итак, у Бажова читаем:

Сама Хозяйка Медной горы одарила Степана этой шкатулкой, как он еще жениться собирался.

Так еще сколько-то годов перемагались, дальше на поправу пошло.

Тут родня и давай Настасье в уши напевать.

А пуще того девчоночка у ней младшенькая слезами улилась, просит.

Танюшка и занялась разбирать эти штучки.

А Ястжембец-Козловски переводит данные слова:

Sama pani Miedzianej Góry obdarzyła Stiepana tą szkatułką, kiedy to wybierał się żenić.

Choć klepała biedę co się zowie, wzięła na kiel.

Krewniacy dalejże kłaść Nastasji w uszy.

Grunt, że najmniejsze dziewczątko zalewa się łzami i prosi.

Следует также вспомнить о атрибутивных связях, «...синтаксис которых можно назвать описательным [...] и характеризуется стремлением вместить в отдельное предложение-высказывание максимальное число пропозиций [...]» (там же). Примером послужат следующие высказывания из подлинника:

Степан хорошее обеспечение семье оставил. **Дом** справный, **лошадь, корова, обзаведенье** полное. Настасья баба работающая, робятишки пословные.

Танюшка **останется домовничать**. Сперва, конечно, **управит**, что мать наказала. Ну, чашки-ложки **перемыть**, скатерку **стряхнуть**, в избе-сенях веничком **подмахнуть**, куречешкам **корму дать**, в печке **поглядеть**.

Во втором тексте наблюдаем много сказуемых, в то время как, в первом – подлежащих. Анафорические элементы такие как, повторы или выражения, отсылающие к ранее сказанному, в том числе местоимение третьего лица, которое используется для усиления, отсутствуют. Вместо местоимения автор использовал слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, которые придают фрагменту нужную эмоциональную окраску: *скатерка* – *obrusik*, *веничек* – *wiechetko*, *куречешка* – *kura*. Этот «дух» текста Бажова старался сохранить и автор перевода:

Stiepan zostawił rodzinie **dobre zaopatrzenie. Dom** porządný, **konía, krowę, cały inwentarz**. Z Nastasji baba pracowita, dzieciaki posłuszne – nie najgorzej sobie żyją.

Matka ze starszymi chłopczkami, bywało, **pojedzie na sianokos** albo gdzie, a Taniuszka zostaje na gospodarstwie. Najpierw, ma się wiedzieć **obrządzi**, co matka nakazała. No tam, kubki i łyżki **umyc**, obrusik **wytrzeпаć**, izbę i sionkę **wiechetkiem przejechać**, kurom **sypnąć pośladu**, do pieca **zajrзеć**.

Сказ насыщен также парцелированными конструкциями, то есть расщепленными предложениями (Жеребило 2010: on-line), которые, благодаря отрывистому произношению, придают высказыванию выразительности и яркости. Итак, у Бажова находим следующие высказывания:

Ране-то в щегорях ходил, да его отстранили; ослабу-де народу дает. Ну, и винцом не брезговал. Тоже добра кабацка затычка был, не тем будет помянут, покойна головушка. А так во всем правильный.

А тоже случаем вышло. Приходит к ним женщина. Небольшого росту, чернявая, в Настасьиных уж годах, а остроглазая и, по всему видать, шмыгало такое, что держись. На спине котомочка холощовая, в руке черемумовый бадожок, вроде как странница;

Он, сказывают, из чужестранных земель был, на всяких языках будто говорил, а по-русски хуже. Чисто выговаривал одно – пароть. Свысока так, с растяжкой – па-роть. О какой не достаче ему заговорят, одно кричит: пароть! Его Паротей звали.

Подобным образом, живо и отчетливо, Ч. Ястжембец-Козловски парцелированные конструкции отразил в своем переводе:

Dawniej sztygarował, ale go usunęli, że niby za wielką pobłażliwość okazywał robotnikom. Przy tym i kieliszkiem nie gardził. Za kołnierz nie wylewał, spust miał co się zowie. Panie świeć nad jego duszą. Poza tym zaś – człowiek do rzeczy.

A i to jakoś przypadkiem się wydarzyło. Przychodzi do nich kobiecina. Wzrostu niewielkiego, czarniawa, już w latach Nastasji, ale bystrooka i ze wszystkiego znać, że babsko na cztery nogi kute. Na grzbiecie parciana sakwa, w ręku czeremchowy kosturek – niczym pątniczka.

Powiadali, że jest z obcych krajów i różnymi gada językami, po rusku najgorzej. Czysto wymawiał jedno tylko słowo: oćwiczyc. Dobitnie, nieśpiesznie: o-ćwiczyc. Byle coś nie tak, jak chciał, już wrzeszczy – oćwiczyc! To też przezwali go Oćwiczycьko.

Следует заметить, что поставленные в приводимых нами фрагментах знаки пунктуации, не всегда совпадают (как и в оригинале) с правилами их постановки:

- *...да его отстранили; ослабу-де народу дает – ...ale go usunęli, że niby wielką pobłażliwość okazywał robotnikom*
- *ну, и винцом не брезговал – przy tym i kieliszkiem nie gardził*
- *...добра кабацка затычка был, не тем будет помянут, покойна головушка – за kołnierz nie wylewał, spust miał co się zowie. Panie świeć nad jego duszą.*

Знаки препинания в обоих текстах играют роль границ между отдельными высказываниями.

Следует добавить, что фатические выражения (*слышь-ко, вишь – ува́жашь*) – это одно из средств установления связи между рассказчиком и читателем, поддержания заинтересованности повествованием, заострения внимания на каком-то фрагменте.

Обратим внимание на пример:

Он, **слышь-ко** малоумненький был, мотовытый.

От Степана, **вишь**, осталось трое робятишек-то.

А был он глупиуте́нки ша́лавила.

Во, **ува́жашь**, по Степане zostało troje dziatek.

В переводе не всегда имеется возможность найти соответствующий эквивалент. В тексте Ястжембца-Козловского диалектные слова уступили место просторечиям и устаревшим словам, что абсолютно не мешает правильному восприятию текста детьми указанного возраста. Так как диалект нельзя заменить диалектом, переводчик должен был найти для него

компенсирующий эквивалент. Архаизмы и просторечные слова придают тексту определенный колорит эпохи и социолект, указывающий на определенный социальный класс. Создается впечатление, что Ястжембец-Козловски с помощью именно этих слов компенсирует отсутствие в переводе уральского диалекта:

Pierścienie, kolczyki itagdali, jak to u kobiet.
 [...] czasem włożyła na siebie co z onej szkatulki.
 Za kołnierz nie wylewał, spust miał co się zowie.

Следует обратить внимание и на то, что автор перевода стремится воспроизвести текст таким образом, чтобы перевод вызывал у читателей такие же ассоциации или очень близкие к тем, которые вызвал оригинал, о чем свидетельствуют хотя бы имена героев, которые Ястжембец-Козловски перевел дословно.

Настасья – Nastasja
 Степан – Stiepan
 Танюшка – Taniuszka
 Турчанинов – Turczaninow
 Памятка моя – Pamiątka (Pamięteczka) moja,

то же касается и названий населенных пунктов:

Полевая – Polewska
 Сам – Петербурх – Sankt-Petersburg.

Стоит также обратить внимание на использование польских престарелых и в какой-то степени деревенских форм обращения, как в случае русского диалектного *Мамонька* переведенного *Matuś*, и на употребление ласкательных форм, заменяющих русский диалектизм (*Тятя* – *Tatusz*).

Следует отметить, что с помощью именно таких обращений, а также ярких определений Бажов создает портреты своих героев, в которых заключена как внутренняя, так и внешняя их характеристика. Приведем здесь отрывок Бажовского сказа и его польский перевод:

О Степановой дочке говорили: «– Не иначе эта у тебя, Степан, из кистей выпала (красивая девочка сравнивается с гарусинкой, выпавшей из пояса, который носили раньше на Урале и мужчины и женщины. – В.А. Бажова). В кого только зародилась! Сама черненькая да бассенькая, а глазки зелененькие. Вот и росла та девчонка на примете у людей. Ровно и в самом деле гарусинка из праздничного пояса выпала – далеко ее видно. И хоть она не шибко к чужим

людям ластилась, а всяк ей – Танюшка да Танюшка. самые завидущие бабешки и те любовались. Ну, как, – красота! Всякому мило».

– Nie inaczej, Stiepanie, chyba to nie twoja córka. Po kim ona taka? Czarniutka i ładniutka, a oczka zielone... Tak oto rosło to dziewczątko na oczach ludzi. Rzekłbyś, jakby niteczka włóczki wypadła z odświętnego pasa; z daleka widać. I choć nie bardzo się garnęła do obcych, każdy do niej: Taniuszko, Taniuszko! Nawet najzawistniejsze baby popatrywały na nią miłym okiem. Ha, uroda! Każdemu przyjemnie spojrzeć.

В переводе данного отрывка Ястжембец-Козловски опустил словосочетание *из кистей выпала*, а точнее перевел его следующим образом: *chyba to nie twoja córka*. Приведенный пример является доказательством того, что не всегда имеется возможность обойтись без стилистических компромиссов, но несмотря на это в переводе чувствуется экспрессивность и выразительность, текст не искажен, смысл также остался.

Особое внимание автор оригинала уделяет словам с уменьшительно-ласкательными суффиксами, а также словам с суффиксом *-то*, который придает им особый оттенок и характерен для разговорной речи.

	П. Бажов	Ч. Ястжембец-Козловски
1	Степановой- то	Niby tej wdowie po Stiepanie
2	А ему всяк поднесет стаканушку	Każdy rad postawić szklaneczkę
3	Даром что к винишку пристрастие поимел	Choć do wódeczki ma słabość
4	Девчоночка	Dziewczątko
5	На пригревинке сидишь	Siedziało na słońku
6	Скатерку стряхнуть	Obrusik wytrząpać
7	Веничком подмахнуть	Wiechetkiem przejechać

Заметим, что переводчик старался сохранить стиль оригинала, что ему и удалось. Он несомненно следует идеи самого Бажова, который в письме к Скорино писал:

О своем письме к фонетическим неправильностям, какими смешил почтенную публику Горбунов, я уже говорил. Там, где подобного сорта слова лезут в диалог, всегда стараюсь заменить их адекватными словами и выражениями,

которые бы не содержали насмешки над речью неграмотных людей прошлого. Это, между прочим, также не всегда легко (Бажов 1952: т. 3, 308).

Если говорить о экспрессивности как оригинала, так и перевода, то она, безусловно, достигнута с помощью тех средств, которые были рассмотрены ранее. Скорина в предисловии к собранию сочинений Бажова, озаглавленном *Памяти Павла Бажова*, пишет, что произведения писателя по-настоящему народные не только по содержанию, но и по языковой форме и стилю. В сказах раскрылись основные свойства русского народного языка, его пластичность, мелодия и эмоциональность (Скорина: 1952).

Следует также заметить, что основными составными фольклорных жанров, их неотъемлемой частью можно считать пословицы, поговорки и постоянные эпитеты. Рассматривая их перевод, замечаем, что оба текста (оригинал и перевод) не лишены народной мудрости. Приведем несколько примеров:

	П. Бажов	Ч. Ястжембец-Козловски
1	Хлеб за брюхом ходил	Chleb chodzil za brzuchem
2	Что с возу пало – то пропало	Co s wozu spadło, to przepadło
3	Абы на полштофа сорвать	Byle urwać na półkwarcie okowity

Особенно последний из них свидетельствует о мастерстве переводчика, поскольку «абы на полштофа сорвать» содержит устаревшее слово «полуштоф» (согласно *Толковому словарю Ушакова*: В старину – бутылка, вмещающая полштофа (водки). То же, что полштофа) (Ушаков 1934–1940: on-line). Переводчику удалось верно воссоздать поговорку с применением также устаревших слов: *okowita* (согласно *Словарю польского языка*, давнее название водки) и *kwarta* (единица измерения веса, используемая в средние века, главным образом).

Следует отметить, что на проблемы, связанные с грамматическим и синтаксическим строем, а также с художественно-изобразительными средствами, которые мы затронули, обращала уже внимание Юлия Лиморенко, автор научной статьи *Проблемы перевода фольклорных текстов в научном издании* (Лиморенко 2001: 17).

Настоящие исследования привели нас к выводу, что в польском переводе не наблюдается формальный вид эквивалентности, ориентированный на дословный перевод. Однако, благодаря грамматическим и синтаксическим аспектам, а также художественно-изобразительным средствам в тексте, используемым Ястжембцем-Козловским, ярко выражены: стиль оригинала,

богатство языка Бажова, что связано с использованием устаревших слов, с соответствующим воспроизведением семантики и стиля поговорок, в польских сказах передана полнота и естественность языка оригинала. Все это указывает с одной стороны на преобладание в стратегии польского переводчика динамического вида эквивалентности – с другой стороны на согласованность с определением перевода, предлагаемым Войтасевичем.

Библиография

- Аристова, Е.А., Протопопова О.В., *Сказы П. Бажова в аспекте стилистического предпереводческого анализа*, «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» 2017, т. 9, вып. 4, с. 5–15.
- Бажов, П.П., письмо к Л.И. Скорину, [в:] П.П. Бажов, *Сочинения в трех томах*, т. 1, Художественная литература, Москва 1952.
- Бажов, П.П., письмо к Л.И. Скорину, [в:] П.П. Бажов, *Сочинения в трех томах*, т. 3, Художественная литература, Москва 1952.
- Белокурова, С.П., *Словарь литературоведческих терминов*, <https://slovar.cc/lit/term/2145377.html> (доступ: 1.09.2019).
- Бирюков, В.П. (ред.), *Дореволюционный фольклор на Урале*, ОГИЗ – Свердлов. обл. изд-во, Свердловск 1936.
- Блажес, В.В., *К истории создания бажовских сказов*, «Известия Уральского государственного университета», Екатеринбург 2003, с. 5–11.
- Жеребило, Т.В., *Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социоллингвистика*, Пилигрим, Назрань 2011.
- Комиссаров, В.Н. (ред.), *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике*, Международные отношения, Москва 1978, с. 114–137.
- Лиморенко, Ю.В., *Проблема перевода фольклорных текстов в научном издании*, «Живая старина», Москва 2001, с. 17–20.
- Мишланов, В.А., *О некоторых особенностях синтаксиса сказов Павла Бажова*, «Известия Уральского государственного университета» 2003, № 28, с. 69–82.
- Найда, Ю., *К науке переводить. Принципы соответствий*, пер. Л. Черняховской, [в:] Д.Н. Ушаков, *Толковый словарь русского языка*, Сов. энцикл.: ОГИЗ, Москва 1934–1940, <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (доступ: 1.09.2019).
- Слобожанинова, Л.М., *Русская проза Урала: XX век*, книга издана по инициативе и при содействии Объединенного музея писателей Урала и Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина, <https://www.google.com/search?xsrf=ALeKk02GK-HsYabVrC0QOg869wQoHlY4Pw%3A15>

85680001337&ei=gY6DXvCRFMStrgSehbmICQ&q=%D0%A1%D0%BB%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B6%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0+%D0%9B.%D0%9C.%2C+%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F+%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B7%D0%B0+%D0%A3%D1%80%D0%B0%D0%BB%D0%B0 (доступ: 28.03.2020).

Харитоновна, Е.В., *Репрезентация русской ментальности в сказках П. П. Бажова*, автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Уральский государственный университет, Екатеринбург 2004, <https://www.dissercat.com/content/representatsiya-russkoi-mentalnosti-v-skazakh-pp-bazhova/read> (доступ: 8.09.2019).

Bażow, P., *Szkatulka z malachitu*, Czytelnik, Warszawa 1955.

Bralczyk, J., *Словарь польского языка*, <https://sjp.pwn.pl/szukaj/okowita.html> (доступ: 1.09.2019).

Wojtasiewicz, O., *Wstęp do teorii tłumaczenia*, Ossolineum, Wrocław 1957.